

Русский был художником, но каждый год с ранней весны до поздней осени он становился крестьянином — работал на земле. Далеко от города, на расстоянии более двухсот километров от областного центра, достался ему в наследство родительский дом с участком земли, на котором художник выращивал картошку, лук, все другие необходимые овощи и корнеплоды, обихаживал сад с плодовыми деревьями и кустами смородины, малины... Всё лето русский жил на земле, и только поздней осенью — обветренно-загорелый лицом, жилисто утруженный телом — он возвращался в город. Тут в мастерской творил, создавал красками на холстах свой неповторимый живописный мир.

Православному от родителей тоже достался участок земли в садовом товариществе вблизи города, на котором он также выращивал необходимое для семьи. Трудился на совесть: земля на участке была вся обихожена, перекопана, разбита на грядки. Только в отличие от Русского жизнь Православного не была столь основательно подчинена временам года, а текла давно установившимся порядком: утром многочасовое произношение и чтение молитв перед иконами, перед сном опять чтение акафистов, долгое стояние ради исполнения «вечернего правила».

Известно, столь ли усерден был в молитвенном стоянии **Русский**. Без Бога в душе он, конечно, не жил, но и И.В. Сталина почитал как великого политического деятеля, и советский период Великой России, хоть тогда это государство и именовалось иначе — СССР — уверенно и убеждённо называл одним из самых значительных в многовековой истории государства. Спорщиком наш художник-крестьянин по этим вопросам был ярким и бескомпромиссным.

Православный тоже спорить любил, но для него период СССР был сплошным неверием. На все доводы, опровергающие столь категоричное утверждение, что, мол, нельзя столь примитивно судить о чуть не прожитом страной столетии он, не желая никого слушать, приходил в беспокойное расположение духа. Хотя если бы задался вопросом (а откуда к нему самому пришла вера, ведь не из пустоты и неверия, а потому, что кто-то её для него сохранил), то многое бы смог понять и переосмыслить.

А ещё Православный любил рассуждать на тему «что значит быть русским». У многих требовал ответа на поставленный вопрос. А так как однозначно мало кто мог объяснить, то Православный вразумлял несведущих, конечно же, с помощью где-то вычитанных цитат.

Русский, насколько я помню, подобного вопроса ни себе, ни окружающим не задавал. Он просто жил по заветам и традициям предков и иначе себя, как только русским, не осознавал. Ему не нужно было ничего себе доказывать. Как мы не доказываем никому, что воздух для нашего существования необходим. Для него быть русским являлось сродни дышать воздухом — естественно и необходимо.

Православный же и по этому поводу спорил, но при этом ни одной живой, самостоятельной, идущей от собственных выстраданных

убеждений мысли не высказывал, предпочитая ссылаться на известные авторитеты, прячась за цитаты кем-то написанного или произнесённого. Это в разговорах с ним на оппонентов наводило тоску и скуку. Веяло от такой веры чем-то мёртвым, железобетонным, холодным.

Святые отцы Православной Церкви много душеполезного написали и высказали, да всё же, и своё рассуждение всякому иметь не запрещали, даже приветствовали. От «проповедей» же Православного у слушателей от скуки скулы сводило — так это всё было далеко от их духовных нужд. Потому видимо на организованное им молитвенное стояние у «Покаянного Креста», собиралось от пяти до десяти человек убогих старушек, хотя проводил он это стояние упорно и ежемесячно в течение многих лет.

Русский, как только собирал урожай со своего поля и огорода, сыпал его в мешки, вёз на нанятой машине в далёкий областной центр и многое из доставленного раздавал бесплатно друзьям и знакомым: по несколько мешков картошки, мешки лука, свёклы, моркови, отдельно добавлял ядрёные, плотные, крупные кочаны капусты. Всё выращенное с любовью было отменного качества. Понятно, Русский денег ни с кого не брал, а если кто и предлагал — обижался. Потому заранее, пока не привозил, не говорил о подготовленном даре тому, кому он предназначался.

Православный тоже был не прочь поделиться излишками произраставшего на его участке. В основном одного вида овоща — дикорастущим чесноком. Осенью, когда чеснок созревал, он расщеплял его головку с семенами, что выстреливала вверх на упругом зелёном стебле, и разбрасывал содержимое её по участку. Где чеснок пойдёт в рост, там ему и созреть.

Благоденствие своё Православный в течение двух-трёх лет предлагал одному Литератору. Но с непременным условием — тот должен был приехать, выкопанный чеснок сам очистить и обрезать и только после этого увезти в город. Иными словами — полное самообслуживание. Чеснок был хоть и мелковат, но всё-таки с участка, не заражённого разными удобрениями и химикатами — экологически чистого. К тому же, православный вроде бы предлагал свою помощь от чистого сердца.

Но вот с Литератором случилась беда — он серьёзно заболел. Долго врачи боролись за сохранение его жизни. Тем временем сроки сбора урожая в нашей полосе подошли к концу. В самый его предел звонит Православный Литератору, который только выписался из больницы, и предлагает приехать выкопать чеснок. Честно говоря, последний несколько надеялся на то, что если Православный надумает одарить его чесноком, то сделает это сердобольно, по-христиански (ведь столько времени ежедневно Богу молится, такие хорошие слова перед иконами произносит) — сам привезёт. Ну а раз нет, так и нет — Литератор отказался ехать. Да это было и чрезвычайно опасно для его теперешнего состояния здоровья. Тогда Православный сам выкопал сколько-то излишков овоща, и вновь позвонил.

— Я пойду на вечернюю службу в собор Александра Невского. Встреть меня на автобусной остановке.

— Так ведь всё равно мимо моего дома пойдёшь. Давай у подъезда и встретимся.

— Ничего, дойдёшь, — ответил на это предложение боголюбивый Православный.

Конечно, после таких слов Литератору никак принимать дар от Православного не хотелось. Но позже подумал: как бы его тот не обвинил в гордыне, капризе, и хоть чувствовал себя скверно, всё-таки пошёл на встречу. Пошёл заранее (вдруг автобус прибудет раньше времени — неудобно, если Православному придётся ждать) на привычную автобусную остановку, до которой сам доезжал, возвращаясь от Православного. И честно прождал на ней тридцать минут (на сквозняке — а как бы этого

не надо было делать!), но так не солоно хлебавши отправился восвояси. Тут и застал его звонок Православного, возмущённо вопрошающего, почему приехав, он не увидел встречающего. Выяснилось и другое — Литератору встречать его следовало не на ближайшей остановке, а на другой — расположенной много дальше первой. Таково почему-то было условие Православного.

Кто в этой ситуации прав, кто виноват — Литератору разбираться не хотелось. Тем более выслушивать возмущённые крики Православного, идущего на вечернюю службу молиться Богу о любви к ближнему. Он просто отключил свой телефон. И без того на сердце было тяжело...

А на четвёртый день скорая помощь срочно отвезла Литератора в больницу с вновь обострившейся пневмонией. Правда, перед этим между делом он успел повстречаться с Русским.

— Жди, будет тебе от меня подарок, — сразу заговорил тот.

— Да мне бы главное чеснока хорошего, качественного где-то прикупить.

— Будет тебе и чеснок.

На этом и расстались. Куда далее отправился Русский, Литератор не знал. Одно мог точно утверждать — не туда, где Православный молился о любви к ближнему: «яко же и мы оставляем должникам нашим...»

P.S. Когда Литератор лежал в тесной палате на больничной койке, Художник был ещё жив, ничто не предвещало скорой беды. Но ровно через две недели всех его друзей настигла горькая весть — наш товарищ неожиданно ушёл из жизни. Но даже перед кончиной он помнил о нас и в далёком селе заранее всё приготовил для того, чтобы его сын привёз и раздал по назначению выращенные им овощи. Пожалуй, последнее распоряжение Художника автора этих строк потрясло больше всего.

А отпевали художника и крестьянина в известном нижегородском храме, где главное распятие с изображением Спасителя было написано задолго до сего времени его талантливой рукой.

Наталья ПАВЛОВА.